

ISSN 0130—9757

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

2
1990

Среди сохранившихся в архивах документов видного деятеля коммунистического движения, крупного ученого-экономиста Н. И. Бухарина особое место занимают чудом уцелевшие рукописные материалы: статьи, наброски, письма. Сегодня журнал предлагает читателям познакомиться с одним из таких автографов, хранящимся в Доме Плеханова — секторе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Изъятые из архива Г. В. Плеханова после того, как Н. И. Бухарин был репрессирован, рукопись его статьи и три письма Плеханову находились в отделе специального хранения. В 1988 г. автографы были возвращены в Дом Плеханова.

На наш взгляд, символично, что уцелела именно рукопись его **первой теоретической статьи**. Из статьи Д. П. Марецкого¹ и раньше было известно, что первая работа Бухарина, составленная на основе его студенческого реферата, посвящалась критическому разбору теории распределения М. И. Туган-Барановского. Теперь читатель получает возможность ознакомиться с самой работой.

Тема публикуемой статьи не случайна. Дело в том, что Бухарин начал свою теоретическую деятельность с написания работ, в которых проводился анализ развития буржуазной политэкономии и давалась ее критика. Этому посвящены его первые опубликованные статьи: «Карл Маркс и современная буржуазная политэкономия», «Теория субъективной ценности Бем-Баверка» и др. Сюда же надо отнести и книгу «Политическая экономия рантье» (законченную в основном осенью 1914 г., но опубликованную в 1919 г.). Главное внимание в этих трудах Бухарин сосредоточил на критическом анализе взглядов экономистов «австрийской школы». Он показал ошибочность их воззрений, базировавшихся на субъективистском и неисторическом подходе к исследованию экономических отношений. Но Бухарин не ограничился лишь критикой методологии Бем-Баверка и его последователей, как и просто выяснением социальных корней их взглядов. Он провел и скрупулезный логический анализ содержания последних, выявляя их непоследовательность и противоречивость. Для более глубокого анализа идеологии экономистов «австрийской школы» следовало также выявить то влияние, которое оказали их воззрения на эволюцию буржуазной политэкономии. Пожалуй, наибольший интерес в этом отношении представляли взгляды такого экономиста, как М. И. Туган-Барановский, анализу которых посвящены две статьи Н. И. Бухарина: «Теоретическое примиренчество» и «Политическая экономия без ценности». Из них более значительна последняя, опубликованная в журнале «Die Neue Zeit» в 1914 г. Бухарин подробно рассматривает здесь соотношение производства и распределения, защищает Марксову теорию трудовой стоимости, полемику при этом с трактовкой этих вопросов в произведениях М. И. Туган-Барановского. Этот ученый, как известно, был первым видным экономистом, попытавшимся соединить в одной концепции теорию трудовой стоимости с теорией предельной полезности. Он считал также, что распределение национального дохода между общественными классами не связано с процессом образования ценности (стоимости) товаров и не зависит от нее. Соответственно Туган-Барановский полагал, что теория распределения не может быть следствием какой-либо теории ценности (стоимости). Исходя из этого, он пытался доказать, что само распределение — чисто социальное явление, для которого отношения производства не являются определяющим основанием. Эти утверждения и легли в основу его «социальной теории распределения». Идеологический смысл последней состоит в представлениях о классовых отношениях между наемными рабочими и капиталистами как отношениях неантагонистических, допускающих сотрудничество этих классов в буржуазном обществе (поскольку они якобы одинаково заинтересованы в увеличении общественного продукта и росте производительности труда в качестве общего источника повышения их доходов).

«Политическая экономия без ценности» — самая крупная (не считая книги «Политическая экономия рантье») критическая работа раннего Бухарина и, пожалуй, наиболее глубокая среди других его статей. Показательно, что в дальнейшем она неоднократно переиздавалась². Эта статья явилась результатом переработки публикуемой ниже статьи

См.: Марецкий Д. Н. И. Бухарин / Большая Советская энциклопедия. М.—Л., 1927. Т. 8. С. 276.

² См.: Бухарин Н. Политическая экономия без ценности / Основные проблемы политической экономии. М., 1922. С. 401—426; Бухарин Н. Атака. М., 1924. С. 25—50.

«Теория распределения г. Тугана-Барановского» (написана в первой половине 1912 г.). Этот вывод основывается на выявленных при сличении обеих статей совпадениях ряда фрагментов их текстов, многих используемых в них цитат, а также порядка и характера изложения. Посылая рукопись статьи, Н. И. Бухарин сообщал в письме (конец мая 1912 г.) Г. В. Плеханову: «...посылаю с этим письмом статью, кот(ор)ую хотел бы поместить в «Просвещении». Но так как я раньше больших статей нигде не писал — писал в одном моск(овском) професс(иональном) органе и наших нелег(альных) газетах — то теперь позволяю себе обратиться к Вам: не найдете ли Вы возможным просмотреть, если у Вас будет время, эту рукопись и прислать свой отзыв: быть может, не стоит даже пытаться ее печатать...»³.

В этом же письме Бухарин сообщал о своем намерении заняться критикой новейших школ в политической экономии (в частности, «австрийской школой» и «математическим направлением») и просил Плеханова дать ему практические рекомендации для работы в этой области.

Объясняя причину, которая заставила его обратиться к Георгию Валентиновичу, Бухарин пишет, что «смягчающим обстоятельством послужит то, что людей, столь же авторитетных, как Вы, у нас, мягко выражаясь, не так уж много»⁴.

В ответе Плеханова, посланном 8 июня 1912 г. из Сан-Ремо (письмо не разыскано, но о его содержании можно судить по письму Бухарина Плеханову от 25 августа 1912 г.), дается согласие написать отзыв и, вероятно, совет серьезно заняться «математической школой». В указанном письме Бухарин сообщил: «Математика двигается»⁵.

Однако отзыв на статью Бухарина «Теория распределения г. Тугана-Барановского» Плеханов, видимо, не написал, переписка прервалась. В архиве Плеханова не найдено каких-либо документов, свидетельствующих о том, что отзыв на эту работу был написан. О причинах можно судить лишь косвенно.

В личной библиотеке Г. В. Плеханова, хранящейся в Доме Плеханова, есть несколько книг М. И. Тугана-Барановского. На двух из них — «Очерки из новейшей политической экономии» (СПб., 1903) и «Основы политической экономии» (СПб., 1909) — имеются пометы Георгия Валентиновича. На первой из указанных книг замечания Плеханова носят острый полемический и критический характер. Так, например, на с. 391 Плеханов записывает: «Т(уган) типичный вульгарный экономист...». Новая книга Тугана-Барановского (возможно привлекая внимание Г. В. Плеханова в связи с письмом и статьей Н. И. Бухарина), вероятнее всего, рассматривалась им с позиций менее критических. Так, имеющиеся в книге отчеркивания и подчеркивания текста носят аналитический характер, выражают, скорее всего, не полемику с воззрениями Тугана-Барановского, а констатацию тех или иных его высказываний. На наш взгляд, на основании этого можно предположить определенную эволюцию взглядов Плеханова, развивавшихся в направлении поиска путей сотрудничества классов на определенном этапе развития общества. Эта идея необходимости классового сотрудничества во имя интересов прогресса в теоретических воззрениях Г. В. Плеханова неразрывно связывалась с авангардной ролью пролетариата — «освободителя по преимуществу»⁶, и именно с этих позиций он выступал в 1917 г.

Статья Н. И. Бухарина публикуется по оригиналу рукописи на 22 листах, хранящейся в архиве Дома Плеханова. Рукопись подготовлена к публикации кандидатом экономических наук, старшим научным сотрудником ИМЛ при ЦК КПСС С. Л. Леоновым и кандидатом исторических наук, заведующей сектором Отдела рукописей и редких книг (Дом Плеханова) Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Т. И. Филимоновой. Текст печатается в соответствии с нормами современной орфографии. Раскрытие публикаторами авторских сокращений не оговаривается.

³ Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Архив Дома Плеханова (далее: ГПБ АДП). Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 3. Ед. хр. № 2. Л. 1.

⁴ ГПБ АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 3. Ед. хр. № 2. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Мы воспользовались термином Р. М. Плехановой, который, на наш взгляд, является понятием, отразившим наиболее полно эволюцию Плеханова-марксиста в последний период его жизни / ГПБ АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. № 472. Л. 16 (об).

ТЕОРИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ г. ТУГАНА-БАРАНОВСКОГО

Громадное большинство современных теорий прибыли (и распределения вообще) считает возможным решить поставленную ими проблему, абстрагируя от социально-исторических отношений данного хозяйственного уклада жизни; обычно считается возможным свести вопрос о распределении целиком к вопросу об обмене ценностей, причем элемент социальный — отношения классов, их борьба и пр. — находится вне поля зрения. Такова основная позиция доминирующей теперь в официальной науке *австрийской школы*. У Маркса, экономическая теория которого насквозь социологична, проблема распределения тоже в известном смысле сводится к проблеме обмена ценностей, но в этот обмен входит элемент классовой борьбы, так как самая ценность товара «рабочая сила» есть величина, зависящая от соотношения общественных сил. В своем труде «Основы политической экономии» Туган-Барановский стоит на совершенно противоположной точке зрения. Защищая свою теорию ценности, представляющую из себя смесь Бем-Баверка с Марксом, он имеет и свою теорию распределения, где выступает и против Бем-Баверка, и против Маркса, не сходясь с ними принципиально, в самой постановке вопроса, в самом методе его решения.

К изложению его взглядов мы и позволим себе обратиться.

Туган-Барановский начинает главу о распределении анализом понятия дохода: «Категория дохода есть одна из своеобразных исторических категорий менового хозяйства. Доход всегда некоторая меновая ценность; при господстве натурального хозяйства категория дохода отсутствует» («Основы», стр. 522)*.

Так как вся хозяйственная деятельность выражается в производстве и обмене, то можно думать, по-видимому, что отдел о распределении является излишним. «Таков чрезвычайно важный, но не признаваемый современной наукой методологический вопрос» (*ibid.*, 523).

На этот вопрос Туган-Барановский дает следующий ответ. Доходы в современном обществе суть доходы, во-первых, трех основных классов капиталистического общества; во-вторых, различных промежуточных и докапиталистических групп. Между теми и другими есть основное, принципиальное различие: учение о доходах второго порядка укладывается целиком в учение о производстве и обмене; наоборот, доходы первого порядка имеют свою специфическую особенность: они — функционально зависимые друг от друга величины: так, «прибыль и зараб. плата», говорит Туган-Барановский, «составляют... логические корреляты». Связь этих видов дохода базируется на связи трех общественных классов в процессе капиталистического производства; другими словами, эта связь доходов — выражение определенных производственных отношений. Вот в объяснении этой связи и «заключается проблема распределения политической экономии — проблема *sui generis*, не сводимая ни к какой другой» (525). Так как капиталистическое производство немисливо без распределения, а распределение, «в своем специфическом смысле» (*ibid.*) немисливо вне капиталистического производства, то мы можем принять, что «явления распределения не суть особые и самостоятельные экономические факты, а тот же процесс капиталистического производства и обмена, рассматриваемый с определенной точки зрения» (*ibid.*). Особенность же этой точки зрения состоит в том, что «говоря о явлениях производства и обмена, мы имеем в виду самый процесс, говоря о явлениях распределения — окончательный результат процесса по отношению к интересам его участников — трех названных классов» (525). Итак, необходим анализ связи доходов капиталистических классов. Раньше всего необходимо иметь в виду их деление на трудовые и нетрудовые: первые вытекают «из самого существа процесса производства», вторые, наоборот, свойственны лишь определенным социальным структурам. «Нетрудовые доходы возможны лишь благодаря тому, что имеются в наличности особые социальные условия, обеспечивающие нетруждающимся классам долю общественного продукта наряду с трудящимися классами» (527).

Оставляя в стороне все рассуждения об этическом элементе в политической экономии, рассуждения, впрочем, очень характерные для «канто-марксизма» г. Тугана, мы позволим себе перейти к изложению его теорий заработной платы, а затем прибыли.

В современном хозяйственном строе заработная плата представляется ценой товара «рабочая сила»; отсюда — обычная точка зрения экономистов, которые сводят законы

* Цитаты везде по 1 изданию (СПб. 1909).

заработной платы к законам товарных цен вообще. Этот метод, по мнению Тугана-Барановского, абсолютно недопустим: дело в том, что существует такая глубокая пропасть между рабочей силой и остальными товарами, что «законы строения заработной платы совершенно несводимы к общим законам товарной цены» (I. с., 535): рабочая сила — это не внешний объект, а сама человеческая личность; создание рабочей силы не есть хозяйственный процесс; рабочая сила, являясь для капиталиста средством производства, является самоцелью для рабочего; размножение не регулируется спросом со стороны капитала на рабочие руки. «Итак, производство этого своеобразного товара капиталистического общества — рабочей силы — совершенно не регулируется его ценой. А именно на этом регулировании и основан закон средней товарной цены... Здесь... мы видим полное отсутствие связи между спросом на товар и предложением его; следовательно, и цена рассматриваемого товара не может подчиняться общему закону строения товарных цен» (537). Таким образом, ни закон издержек производства, ни закон спроса и предложения не могут объяснить нам среднего уровня заработной платы; иначе, говоря словами Тугана, «проблема заработной платы, как и вообще проблема распределения, есть проблема *sui generis*, а не общая проблема ценности» (549).

Из вышеизложенных соображений Тугана-Барановского следует необходимость отказа от метода рассматривания заработной платы, как цены (resp. ценности) рабочей силы. «Социальная теория распределения» предлагает рассматривать заработную плату, как *долю* рабочего класса в общественном *продукте*, т. е. безотносительно к вопросу о ценности. С такой точки зрения «теория» заработной платы принимает следующий вид: величина заработной платы определяется, во-первых, производительностью общественного труда (ибо последняя определяет количество всего продукта) и, во-вторых, долей рабочего класса во всем общественном доходе; иными словами, величина заработной платы прямо пропорциональна производительности труда и величине дроби, определяющей долю пролетариата.

Возможность одновременного повышения заработной платы и прибыли благодаря росту производительности труда является, таким образом, источником известной солидарности труда и капитала; с другой стороны, во втором факторе, определяющем заработную плату («доле» рабочего класса), проявляется антагонизм интересов труда и капитала; следовательно, отношения между этими последними сложны — здесь есть и солидарность и борьба.

Доля рабочего класса может колебаться вверх и вниз, но ее можно замкнуть в известные границы: верхним пределом будет являться весь продукт минус средства производства; нижним пределом будет так называемый «физиологический минимум». Конкретная величина платы в этих границах будет определяться соотношением социальных сил, борьбой рабочих и предпринимателей. Все, что способствует усилению позиции труда, повышает «долю»; наоборот, все, что усиливает социальную мощь капитала, уменьшает ее. Технический прогресс действует двояко: увеличивая производительность труда, повышает долю; вытесняя живой труд, понижает ее. «В общем итоге, поднятие техники производства обычно повышает заработную плату, но не в таком размере, в каком повысилась производительность труда» (553).

Таково учение о заработной плате. Переходим теперь к теории прибыли.

И здесь прежде всего Туган-Барановский настаивает на отсутствии связи между теорией ценности и теорией прибыли. Вообще «проблема прибыли, — говорит Бем-Баверк, — есть в конечном счете проблема ценности» — и в этом совершенно сходится с Марксом, который также рассматривал проблему прибыли как проблему ценности. Напротив, с точки зрения социальной теории распределения... проблема прибыли должна быть признана самостоятельной проблемой, никоим образом не сводимой к проблеме ценности (632).

Излагая и критикуя возражения Бем-Баверка Тюнену (мы впоследствии вернемся к этому месту), Туган-Барановский указывает, что ценностное сравнение продуктов необходимо лишь с точки зрения единичного хозяйства; наоборот, «если взять все общественное хозяйство в совокупности, то затраты и получка выразятся не в продуктах, различных по своей природе, а в тех же самых продуктах, только различного количества» (634). В самом деле, мы имеем, во-первых, средства производства; во-вторых, продукты потребления. В процессе дальнейшего производства у нас воспроизводятся средства производства и, кроме того, появляется увеличенное (в силу роста техники) количество предметов потребления. Из этого избытка и может быть получена прибыль. «Никакой теории ценности для объяснения всего этого процесса не требуется», — восклицает Туган (634).

Социальная природа прибыли состоит в присвоении капиталистами труда рабочих, в их эксплуатации; социальными предпосылками является, с одной стороны, «невозможность для рабочего класса поддерживать свое существование, иначе, как продажей своей рабочей силы капиталистам, а, с другой стороны, сосредоточение в руках этого класса достаточных имущественных средств для капиталистического производства...» (646). Так как прибыль соотносительна с заработной платой («логические корреляты»), то факторы, определяющие величину заработной платы, суть факторы, определяющие и величину прибыли. Повышение производительности труда может вести к одновременному повышению заработной платы и прибыли. Здесь может быть не только абсолютное повышение обеих категорий, но и их относительная величина, их величина как долей общественного продукта может увеличиваться одновременно. «Для современной политической экономии, которая не пошла в этом отношении дальше Рикардо», гордо говорит г. Туган (ценность нижеследующего оригинального тезиса будет нами показана в критической части): «одновременное повышение долей в общественном продукте капиталистов и рабочих (и притом не на счет понижения долей в общественном продукте каких-либо других общественных классов) должно казаться невозможным. Но эта кажущаяся невозможность возникает лишь вследствие того, что современная наука рассматривает весь общественный продукт как состоящий лишь из предметов потребления» (647)*. На самом деле общественный продукт состоит из средств производства и из доходов. Только последняя часть распределяется, первая же не составляет ничего потребления. С ростом производительности труда, по Тугану-Барановскому, получается относительно больше потребляемого продукта (если сравнивать со средствами производства); отсюда и проистекает возможность одновременного увеличения прибыли и заработной платы как долей продукта. Однако, на величину прибыли действует и другой, социальный фактор: прибыль может увеличиться за счет заработной платы; этот момент, очевидно, определяется соотношением сил.

Так как прибыль выражается не абсолютно, а относительно, в процентах к авансированному капиталу, то на формулу «процента прибыли» должна оказывать влияние и скорость оборота капитала. Итак, процент прибыли определяется 1) производительностью труда, 2) долей капиталистов в общественном доходе, 3) скоростью оборотов общественного капитала. Основной капитал растет в общем быстрее оборотного; следовательно, обороты общественного капитала имеют тенденцию замедляться, что понижает процент прибыли; с другой стороны, рост производительности труда повышает процент прибыли. Что перевешивает — дело конкретной обстановки. «Во всяком случае, — говорит Туган-Барановский, — не существует общего закона тенденции % прибыли к падению, который предполагался Марксом» (стр. 651).

Такова, в общих чертах, теория заработной платы и прибыли Тугана. Ее крайняя несложность очевидна; тем не менее она претендует на некий новый метод исследования и «оригинальностью» метода хочет компенсировать скудость полученных результатов. Поэтому критике придется начинать с выяснения некоторых методологических предпосылок так называемой теории распределения.

* * *

Политическая экономия имеет своим предметом изучение отношений между людьми в процессе их борьбы с внешней природой; все общество с этой точки зрения рассматривается как некий производственный организм; исходным пунктом развития последнего является непосредственное соотношение людей с внешним миром — техника как социальный феномен; с развитием этой последней меняются трудовые отношения людей — «производственные отношения» в терминах Маркса. Полученный в результате производственного процесса продукт распределяется, причем формы этого распределения историчны. Мы можем различать, во-первых, организованное распределение, когда продукт распределяется либо самим обществом непосредственно, либо общественной властью в какой бы то ни было форме (такое хозяйство г. Струве назвал бы «истинным хозяйством»)**; во-вторых, неорганизованное распределение, когда общественное хозяйство есть своеобразная комбинация единичных, «сингулярных» хозяйств; при второго рода распределении это последнее принимает форму *обмена*. В распределении выражаются определенные социально-трудовые отношения; в частности, в обмене, в передвижении товаров одного единичного хозяйства в другое, выражается факт всеобщего сотрудничества людей,

* II-й том «Капитала» не был, очевидно, писан для г. Тугана-Барановского.

** Струве «К критике некоторых основных проблем и положений политической экономии». «Жизнь», 1900. VI.

факт их работы друг на друга. «Так как производители входят во взаимные общественные отношения только посредством обмена своих произведений, то и специфический общественный характер их частных работ проявляется лишь в пределах этого обмена» (К. Маркс. «Капитал», т. I, пер. Струве, стр. 29)¹. Отношения между производителями, в которых проявляется общественный характер труда, выступают в форме общественного отношения продуктов труда² (ibid.). Формы распределения всегда адекватны определенным производственным отношениям; они, кроме того, являются формами постоянного воспроизведения данных производственных отношений. Основное производственное отношение *современного капиталистического мира* — это отношение капиталистов и рабочих; адекватная ему форма обмена — это обмен *со включением в число обмениваемых товаров рабочей силы*. Только последнее обстоятельство делает обмен обменом капиталистическим (в производстве соответственно различается простое товарное производство, с одной стороны и «капиталистическая форма товарного производства» — с другой). «In dem Verhältniss zwischen Kapitalist und Lohnarbeiter wird das Geldverhältniss, das Verhältniss zwischen Käufer und Verkäufer, ein der Production selbst immanentes Verhältniss. Dies Verhältniss aber beruht der Grundlage nach auf dem gesellschaftlichen Charakter der Production nicht der Verkehrsweise; dieser entspringt umgekehrt aus jenem» Marx, «Kapital», II Band, I Ausg., S. 93.*

Эта форма распределения постоянно воспроизводит основное производственное отношение капитал — наемный труд.

Таким образом, чтобы понять распределение в современном обществе, т. е. понять распределение в его капиталистической форме, необходимо принять во внимание, во-первых, что распределение совершается путем ценностных отношений; во-вторых, что рабочая сила делается товаром.

Как же подходит к этому вопросу Туган-Барановский? В результате его исследований о заработной плате и прибыли он приходит к такой формуле: высота заработной платы и прибыли определяется 1) общественной производительностью труда, 2) долей в продукте рабочих и капиталистов (мы можем здесь оставить в стороне влияние скорости оборота на «процент прибыли»).

Однако, сразу же видно, что подобная формулировка не объясняет ни заработной платы, ни прибыли, как специфически исторических категорий. В самом деле, 1) на доход, выраженный в продукте, производительность труда оказывает то же влияние при всех исторических формациях; 2) соотношение сил как фактор, определяющий «доли» противоположных классов, имеет значение во *всяком* дифференцированном в классовом отношении обществе. Здесь, таким образом, упускаются самые характерные черты современного строя: ценность и рабочая сила, характеризующаяся как товар.

Выясняя сущность товарного производства, Маркс говорит: «Потребительная ценность, вообще, не представляет в товарном производстве той вещи, «qu'on aime pour lui même»... Потребительные ценности производятся здесь, вообще, лишь постольку, поскольку... они составляют материальный субстрат, суть носители меновой ценности» (I, 111)³. В другом месте «Капитала» он дает такую блестящую отграничительную характеристику капиталистического способа эксплуатации: «Капитал не избрал прибавочного труда. Везде, где одна часть общества имеет монополию на средства производства, рабочий, свободный или несвободный, должен к рабочему времени, необходимому для поддержания его собственной жизни, прибавить излишнее рабочее время, идущее на производство средств существования для владельцев средств производства, будет ли этот владелец афинский Клобс Кахатос, этрусский теократ, римский гражданин (civis Romanus), норманский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лендлорд или капиталист. Однако, в то же время ясно, что если в данной общественно экономической формации преобладающую роль играет не меновая, но потребительная ценность продукта, то прибавочный труд ограничивается более или менее тесным кругом потребностей, и из самого характера такого производства не вытекает безграничная потребность в прибавочном труде» (I. с. 1, 151)⁴.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 82—83.

² См. там же. С. 83.

* В отношении между капиталистом и наемным рабочим денежное отношение, отношение покупателя и продавца, становится отношением, имманентным самому производству. Но это отношение в основе своей зиждется на общественном характере производства, а не способа обмена; последний, напротив, вытекает из первого [Капитал, т. II, стр. 89 русск. пер. под ред. Базарова и Степанова (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 133)].

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 197.

⁴ См. там же. С. 246—247.

Мы привели эту длинную выписку из «Капитала» потому, что нельзя ярче выразить той мысли, что распределение ценности с одной стороны и распределение продуктов (потребительных ценностей) — с другой, совсем не одно и то же по своей сущности и по своим экономическим последствиям. Мы не сможем понять явления такой огромной важности, как накопление, если будем иметь в виду распределение продукта как потребительной ценности; мы, следовательно, не сможем понять, если можно так выразиться, процесс расширенного воспроизводства капиталистических производственных отношений, если будем абстрагировать от отношений ценности. Ценность есть всеобщая основа современных экономических отношений, и стройная экономическая теория должна охватить формой ценности все явления хозяйственной жизни. Еще в «Нищете философии» Маркс писал о Рикардо: «Ricardo constate la vérité de sa formule» (ценности.— Н. Б.) «en la faisant dériver de tous les repports économiques, et en expliquant par ce moyen tous les phénomènes, même ceux qui, au premier abord, semblent la contredire, comme la rente, l'accumulation des capitaux et la repport des salaires aux profits; c'est la précisément ce qui fait de sa doctrine un système scientifique...» («Misère de la philosophie», ed. Giard et Briere, Paris, 1908, p. 65) *.

Итак, мы приходим к следующему выводу, правильность которого подтвердится и в дальнейшем изложении: чтобы понять отношения капиталистического распределения нельзя удовлетворяться, как это делает г. Туган-Барановский, ссылкой на классовую борьбу: необходимо показать, как эта борьба классов, делящих общественный доход между собою, выражается и проходит через всеобщую категорию товарного хозяйства — категорию ценности. Теория же г. Тугана находится в курьезном положении: будучи, или, вернее, желая быть «социальной» она как раз и не объясняет определенных социальных отношений: в ее рамки, как мы видели, можно втиснуть совершенно различные социальные структуры.

Таково общее возражение против теории Тугана-Барановского. Это возражение, очевидно, не отрицает влияние двух факторов, о которых говорит автор «социальной теории распределения»; однако, оно достаточно для того, чтобы считать эту теорию несостоятельной.

Перейдем теперь от этих общих рассуждений к критике теории заработной платы и прибыли и посмотрим, к чему приводит почтенного профессора его оригинальный метод.

Г. Туган-Барановский указывает, прежде всего, на то обстоятельство, что производство рабочей силы не есть хозяйственный процесс: «Все прочие товары,— говорит он,— суть лишь средства для тех или иных целей; рабочая же сила, хотя она и является для капиталиста таким же средством производства, как и все другие, для рабочего, носителя и создателя этой силы, не средство, а самоцель» (535). А так как рабочая сила не создается на фабриках, то законы образования цен не могут быть законами образования цены рабочей силы. Однако, эти рассуждения не настолько убедительны, чтобы заставить отказаться от рассматривания рабочей силы как товара. В самом деле, все «представится совсем в ином виде, если мы будем рассматривать не отдельного капиталиста и отдельного рабочего, а класс капиталистов и класс рабочих, и не изолированный процесс производства товара, а капиталистический процесс производства в его движении и в его полном общественном объеме» (Маркс. «Капитал», т. I, 407)⁵. Тогда мы увидим, что процесс капиталистического производства есть также своеобразный процесс производства рабочей силы; здесь, конечно, мы разумеем не производство людей как таковых, а производство людей как наемных рабочих капитала. «С общественной точки зрения рабочий класс... даже вне непосредственного труда, составляет такую же принадлежность капитала как и мертвое орудие труда» (с. 408)⁶. Тем не менее, производство этого своеобразного товара отличается от производства других товаров: это отличие состоит в том, что здесь не прилагается нового живого труда, а лишь переносится ценность, воплощенная в предметах потребления рабочих.

Можно, впрочем, подвергнуть сомнению существование какого-либо уровня, около которого колеблется заработная плата. Однако, на стр. 548 у Тугана-Барановского мы

* «Рикардо подтверждает истинность своей формулы (ценности.— Н. Б.) выводом ее из всей совокупности экономических отношений и объясняя с ее помощью все явления, даже те, которые с первого взгляда кажутся противоречащими ей, например, ренту, накопление капиталов и отношение заработной платы к прибыли; это-то и делает его учение научной теорией...» [«Нищета философии», русск. пер. Алексеева, Одесса, 1905, стр. 18 (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 86)].

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 584.

⁶ См. там же. С. 586.

читаем: «Колебания спроса и предложения рабочих рук влияют на отклонения заработной платы от обычного уровня, но самый то уровень устанавливается на основе факторов другого порядка» («Основы», 548).

Итак, во-первых, такой уровень имеется; во-вторых, имеются отклонения от него. Этот уровень будет тем, что называется у Маркса ценностью рабочей силы, а в отклоняющихся величинах выразится цена этого товара. Здесь может быть принято во внимание такое соображение г. Тугана: если мы будем рассматривать заработную плату как цену рабочей силы, то не разорвем ли мы социальной связи 3-х видов капиталистического дохода? Не упустим ли мы момента классовой борьбы? Однако, такое возражение не может быть сделано по отношению к теории Маркса, ибо последняя, как мы уже заметили выше, не исключает, а включает этот момент; самое отношение обмена рассматривается как выражение классового отношения: «... в тот момент, когда капиталист и наемный рабочий противостоят друг другу в акте $D-P$ ($P-D$ с точки зрения рабочего), классовое отношение между капиталистом и наемным рабочим уже имеется в наличности, уже дано» (Капитал, II, 7)⁷.

Критикуя вполне приемлемую теорию «культурного минимума»*, Туган-Барановский выдвигает против нее следующее возражение: эта теория, по его мнению, есть «совершенное извращение истинных причинных соотношений» (539), ибо «не потому английский рабочий получает высокую плату, что он ест бифштекс, а потому он ест бифштекс, что получает высокую плату... Повышение уровня жизни английского рабочего было следствием повышения его заработной платы, а не наоборот, не повышение платы явилось результатом его уровня жизни» (540). Здесь, прежде всего, смешение *ценности* рабочей силы с ее *ценой*. Ценность рабочей силы определяется состоянием потребностей; если заработная плата выше ценности рабочей силы (т. е. если цена отклоняется от ценности вверх) и если она держится на этом уровне довольно долго, происходит процесс превращения рабочей силы в качественно иную; параллельно происходит и другой процесс: заработная плата как цена рабочей силы, становится ценностью этой последней, ибо необходимый уровень повышается. Таким образом, цена рабочей силы, повышаясь, может повысить ценность рабочей силы лишь *через повышение потребностей*. «Сказать, что размер заработной платы определяется необходимыми издержками производства рабочей силы, это значит ровно ничего не сказать, так как издержки эти могут быть в высшей степени различны в зависимости от уровня жизни рабочих, определяемого, в свою очередь, заработной платой. Объяснение вращается, следовательно, в кругу» («Основы», 540). Однако, это возражение убедительно только с первого взгляда. В самом деле. Как мы видели, Туган-Барановский утверждает, что уровень заработной платы устанавливается «на основе факторов другого порядка», а именно, производительности общественного труда и доли рабочего класса, определяемой классовой борьбой пролетариата. Это справедливо. Но разве сама классовая борьба пролетариата не зависит от состояния потребностей? Известно, что Лассаль жаловался на «проклятое отсутствие потребностей» у немецких рабочих, которое мешало им вести с надлежащей энергией классовую борьбу. Таким образом, и объяснение Тугана-Барановского тоже (если рассуждать по его методу) вращается в кругу.

Туган-Барановский упускает из виду две вещи: во-первых, исторический элемент *образования* ценности рабочей силы; во-вторых, связь данных потребностей с определенной степенью квалификации рабочей силы.

«Сами естественные потребности,— говорит Маркс,— различны, смотря по климатическим и другим естественным особенностям страны. С другой стороны, и размеры так называемых необходимых потребностей так же, как и способ их удовлетворения, представляют продукт исторического развития и обусловлены поэтому, по большей части, культурным уровнем страны, а, стало быть, между прочим, существенным образом

* Здесь не лишне заметить следующее. Изложив так называемый железный закон заработной платы, Туган-Барановский говорит непосредственно за этим: «Что касается Маркса, то не подлежит сомнению, что он так же стоял на почве учения о минимуме средств существования». Получается впечатление, что Маркс был сторонником пресловутого «закона». Однако, Маркс отлично был осведомлен о теоретической ценности этого положения, и то возражение, которое теперь является общепринятым, принадлежит именно ему. На стр. 458 I тома «Капитала» мы, вслед за изложением «закона», читаем: «Прекрасный способ движения для развитого капиталистического строя! Но пока, вследствие повышения заработной платы, произойдет какое-нибудь положительное увеличение действительно способного к труду населения, десять раз успеет пройти срок, в продолжение которого ведется промышленный поход и должна быть дана решительная битва» (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 652.)

⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 38.

определяются и тем, при каких условиях и, следовательно, с какими привычками и жизненными требованиями *образовался* (курсив мой.— Н. Б.) класс наемных рабочих» («Капитал», т. 1, стр. 104)⁸. Таким образом, историческим *prigius* являются «жизненные потребности и привычки, и одно это обстоятельство разрушает ложный круг. Но идем далее. «Отчего культурный минимум существования в Америке выше, чем в Англии и т. д.?», спрашивает Туган-Барановский. «Именно в этом и заключается весь вопрос, оставляемый названной доктриной совершенно без ответа» (539). Туган-Барановский отвечает за «названную доктрину»: американский минимум выше английского, так как заработная плата в Америке выше заработной платы в Англии. Однако, эта «доктрина» имеет и свой собственный ответ: американский минимум выше английского, так как товар рабочая сила в Америке есть нечто с качественной стороны иное, чем в Англии: труд, развиваемый ею, есть труд более сложный, для своего воспроизведения она нуждается в большем количестве и большем разнообразии средств потребления. Ясно, что при такой постановке вопроса нельзя говорить о ложном круге. Туган-Барановский конструирует его благодаря тому, что упускает из виду положение о связи потребностей с той или иной степенью развития рабочей силы.

С одной стороны, всякое длительное повышение потребностей реализуется лишь через классовую борьбу пролетариата, и, следовательно, момент ценности включает социальный момент борьбы,— последняя проходит в форме капиталистического обмена; с другой стороны, как говорит Маркс, в 99 % мы видим, что «*борьба за повышение заработной платы является только следствием предшествовавших перемен*, что она есть неизбежный плод предшествовавших изменений в массе производимых продуктов, в производительной силе труда, в ценности труда и денег, в напряженности труда рабочего, соответствующих колебаний рыночных цен, обусловленных колебаниями спроса и предложения и различными фазами промышленного круговорота...» (Маркс. «Заработная плата, цена и прибыль», изд. Львовича, стр. 82—83)⁹.

Критикуя теорию Кларка, Туган-Барановский высказывает одно положение, которое имеет, по его словам, «особое значение» (547): «Фабриканту вовсе не приходится рассчитывать предельной полезности различных категорий рабочих — он их должен нанять в определенном числе, какой бы ни была требуемая ими плата» (547). «Если возрастает цена какого-либо другого средства производства, то капиталистический мир борется с этим путем увеличения производства соответствующего средства производства... Но если возросла заработная плата, то капиталистический мир не в силах ответить на это так, как он отвечает на возрастание цен всякого другого товара...» (547—548). В примечании к этому пункту (стр. 573) Туган-Барановский приводит такой пример: на фабрике в 1000 человек рабочие требуют прибавки в 10 %, угрожая стачкой; так как хозяин не может их заменить, то он повышает плату, не рассчитывая рабочих. «В данном случае,— говорит Туган-Барановский,— ни предложение рабочих рук, ни спрос не испытали ни малейшего изменения, а заработная плата изменилась. Правда, повышение заработной платы могло бы побудить фабриканта ввести новые машины и, таким образом, сократить число занятых рабочих. Однако, замена рабочих машинами возможна далеко не всегда, а лишь в некоторых случаях и является далеко не общим правилом. Иначе повышение платы сопровождалось бы увеличением безработицы, чего отнюдь не наблюдается» (573).

Все это рассуждение совершенно неверно. Прежде всего, на том самом примере, который приводится у Тугана, мы видим *изменение* соотношения спроса и предложения: самое повышение заработной платы объясняется *солидарным* действием рабочих; последнее же обстоятельство равносильно перемене соотношения спроса и предложения в сторону, благоприятную для рабочих. Это, во-первых. Во-вторых, совершенно неверно утверждение, что замена рабочих машинами бывает «лишь в некоторых случаях и является далеко не общим правилом». Наоборот, вытеснение рабочих машинами и создание промышленной резервной армии до сих пор считалось и считается неоспоримым фактом экономической действительности. Какое значение имеет высота заработной платы для развития техники, можно увидеть, если, например, взглянуть на сельское хозяйство с его низкой заработной платой и низкой техникой. Поэтому нельзя не согласиться с г. Шапошниковым, который говорит, что возражение Кларку имело бы силу «лишь в том случае, если бы каждому предпринимателю был заранее предначертан известный способ производства, от которого он не мог бы отступить ни на шаг» («Критическое обозрение», сентябрь 1909).

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 182.

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 149.

Переходим теперь к определению заработной платы, данному самим Туган-Барановским. Мы уже видели, что заработная плата — это доля общественного дохода; доход же, по Тугану-Барановскому есть всегда некая меновая ценность. Естественно было бы поэтому ожидать, что Туган-Барановский будет рассматривать заработную плату как отношение ценности. Однако он ведет счет в продуктах. Итак, заработная плата зависит, во-первых, от общественной производительности труда и, во-вторых, от доли рабочего класса в общественном доходе, выраженном в продукте. Что касается первого положения, то оно бесспорно. Второе же может возбудить некоторое недоумение. Мы не забудем, что счет ведется в *продуктах*. Если взять теперь капиталистический строй в целом, то общественный доход выразится как сумма различных качественно продуктов. Кроме того, необходимо заметить, что обычно потребление рабочих и потребление капиталистов совершенно различно по качеству потребляемых продуктов. Схематически мы можем изобразить дело так: весь общественный доход — 4 куска шелку + 200 пудов ржи. Распределяется он (для простоты пусть будут только капиталисты и рабочие) так:

- а) 4 куска шелку + 50 пуд. ржи — капиталисты
- в) 150 пудов ржи — рабочие.

Далее, заметим, что доля общественного дохода — это значит $1/2, 2/3...$ х/п этого дохода, т. е. определенная дробь всего общественного продукта как единицы. Как же теперь выразить 150 пуд. ржи в доле комплекса (4 куска шелку + 200 пуд. ржи)? Ясно, что сделать этого нельзя, нельзя по той простой причине, что у нас несоизмеримые, качественно различные величины. Но, может быть, выражение «доля» нужно понимать в смысле простой суммы потребительных ценностей, а не дробной формы от всего общественного продукта? Тогда, однако, выражение «заработная плата» (не забудем, что речь идет о реальной заработной плате) определяется долей *ets*, превращается в тавтологию. Только если речь идет о меновых ценностях, допустимы аналогичные расчеты*.

Итак, мы видим, что абстракция от элемента ценности приводит, с одной стороны, к тому, что теория Туган-Барановского совсем не объясняет заработной платы как таковой, как явления, присущего определенному историческому способу производства; с другой стороны, эта же абстракция приводит к ряду частных противоречий.

* * *

Переходим теперь к наиболее интересному вопросу, вопросу о прибыли. «Прибыль есть нечто постороннее самому процессу производства, факт социального происхождения, связанный с *определенным* распределением в обществе имущества», — так говорит сам Туган-Барановский; кроме того, прибыль есть доход, а доход — меновая ценность; в современном строе все расчеты капиталиста построены на меновой ценности; никакого накопления не могло бы быть, если бы потребительная ценность играла свою прежнюю роль. Понимание процесса накопления капитала (следовательно, меновых ценностей) — необходимое условие для понимания движения капиталистического производства. Отвлекаться от цены при объяснении прибыли совершенно невозможно. Туган-Барановский знает это возражение и в своей статье, помещенной в «Русской Мысли», говорит по этому поводу следующее: «Каким же образом, однако, если прибыль реализуется в меновом хозяйстве (интересно бы знать, когда прибыль реализуется не в меновом хозяйстве. — Н. Б.) через посредство цены, можно отвлекаться от цены? Возможно, это и необходимо потому, что прибыль как характерная и нормальная категория капиталистического строя возникает не на рынке, не в сфере обмена, а за пределами рынка, в сфере отношений производства» («Русская Мысль», январь 1910 г. стр. 107).

Однако, совершенно ясно, что прибыль как явление *распределения* (а об этом и идет речь) в сфере производства «возникает» лишь потенциально; реализация прибавочной стоимости как прибыли происходит именно в сфере рыночных отношений. В сущности,

* Нельзя приводить также примеров, какие г. Туган-Барановский приводит для доказательства пропорциональной зависимости между производительностью труда и высотой заработной платы; мы узнаем, например, что за период в 50 лет (1850—1900 гг.) средний годичный заработок фабричного рабочего Америки возрос с 480 до 850 рублей, а ценность годового продукта на 1 рабочего с 2065 до 4754 руб.; сделать из этого вывод, что «возросла как заработная плата, так и производительность труда, причем, однако, производительность труда возросла больше» (450), если под заработной платой понимается реальная заработная плата, нельзя: 1) нельзя из роста денежной заработной платы заключать к пропорциональному, да и вообще к росту, реальной платы; 2) нельзя по росту ценности выработки заключить об увеличении производительности труда. Здесь у Туган-Барановского опять смешение операций над потребительными и меновыми ценностями.

Туган-Барановский в данном случае резко противоречит самому себе: мы позволим себе вновь привести его характеристику явлений распределения: «Говоря о явлениях производства и обмена, мы имеем в виду самый процесс, говоря о явлениях распределения — окончательный результат процесса по отношению к интересам его участников...» Прибыль — есть явление распределения; следовательно, она «возникает» в конце «процесса производства и обмена», — это несомненно, если не злоупотреблять своей же собственной терминологией. «И капиталистическая прибыль, — пишет далее г. Туган-Барановский, — может проявляться в формах, совершенно не связанных с товарной ценой. Возьмем, например, натуральный заем...» и т. д. (108). Несколько дальше приводится пример в таком же роде: фермер, оплачивающий рабочих натурой. «При чем же тут теория ценности?», восклицает Туган-Барановский. Здесь, очевидно, он забывает то, что несколькими строками выше он сам говорил о прибыли как о «характерной и нормальной категории капиталистического строя». Вряд ли сюда подходит натуральный заем.

«Но мне могут сказать, — продолжает автор, — что я предполагаю во всех этих случаях натуральное хозяйство, между тем как капиталистическое хозяйство есть хозяйство меновое. Это совершенно верно. Но верно и то, что в основе менового хозяйства лежит все же не обмен, а производство» (ibidem). На это можно, конечно, возразить только одно: что в основе *всякого* мыслимого хозяйства лежит производство; какого-либо распределения не может быть вообще без производства. Суть дела не в том: присвоение прибавочного *продукта*, а не ценности совсем не характерно для капитализма, а, следовательно, не объясняет капиталистической формы присвоения. Откуда же *получается* прибыль? Разбирая критику Бем-Баверка, направленную против Тюнена, Туган-Барановский считает объяснение Тюнена («мотивированная теория производительности» в терминах Бем-Баверка) вполне достаточным*. Рассуждение Тугана сводится к следующему: пусть до введения какой-либо машины количество пряжи равно A ; добавочное количество пряжи пусть будет a ; тогда общая сумма пряжи выразится как $A+a$. Если мы присоединим сюда еще орудие труда (в данном случае «машину»), то обозначивши их через b , получим следующее выражение для всего общественного продукта: $A+a+b$; следовательно, увеличение общественного продукта $= a+b$; увеличение же расхода $= b$; но так как $a+b > b$, ибо всегда сумма больше одного из слагаемых, то отсюда следует, что «и *ценность* увеличения общественного продукта, вызванного введением новых средств производства, не может не превышать ценности этих средств производства» (стр. 633). «Очевидно, что прядильная машина плюс добавочное количество пряжи (производимое при помощи этой машины) представляет собой по своей *ценности* нечто большее, чем сама эта машина, ибо добавочное количество пряжи во всяком случае имеет некоторую ценность» (ibidem). Однако, взглядевшись в это рассуждение, мы видим, что *ценность* у г. Тугана-Барановского появилась внезапно, как *deus ex machina*. Неравенство $a+b > b$ «очевидно» *только* тогда, когда речь идет о машине и пряже как определенных физических телах: здесь, действительно, можно сказать, что машина плюс некоторое количество пряжи больше, чем такая же машина без пряжи; но что касается ценностных отношений, то это неравенство нужно еще доказать, ибо равенство физических предметов не есть еще равенство их ценности (здесь берутся два хронологически разные момента, где те же, в терминах Маркса, потребительные ценности производятся при разных производственных условиях — разной технике).

Туган-Барановский предвидит это возражение: «Конечно, — говорит он в своей статье «Социальная теория распределения», — если бы сравнивать ценность машины плюс пряжа за разные моменты времени и предположить при этом, что ценность машин за рассматриваемое время изменилась, то ценность машин могла бы оказаться и более высокой, чем ценность суммы машин и пряжи. Но такое предположение методологически недопустимо. В тексте исследуется нормальный случай воспроизводства общественного продукта при новых технических условиях, а отнюдь не случай колебания товарных цен» («Русская Мысль», стр. 112, прим.). Этим примечанием Туган-Барановский безусловно сдал свою позицию: в самом деле, новые технические условия как раз и вызывают «колебания

* Сущность возражения Бем-Баверка сводится к следующему: из того, что при применении «капитала» воспроизводится сам капитал и получается еще излишек в продукте, причем здесь «капитал» и «продукт» суть физические тела, не следует еще, что получится при этом *излишек ценности*. Во-первых, ценность капитала может подняться до ценности продукта; во-вторых, ценность продукта может вследствие конкуренции упасть до ценности капитала; и, в-третьих, доля капитала в продукте может превышать ценность капитала. Тюнен предполагает третью возможность, совершенно ее не доказывая и не объясняя; вследствие этого он не дает также объяснения... процента на капитал...» (Е. Бем-Баверк. Капитал и прибыль. Русск. пер. Форберта. СПб., 1909, стр. 200).

цен». Г. Струве очень ядовито заметил по этому поводу в своем ответе Тугану «Однако, никакая теория ценности, кроме явно метафизической трудовой* не может методологически отвлекаться от случайных колебаний цен... Оно (это словосочетание: случайные колебания цен.— Н. Б.) вдвойне бессмысленно при предположении новых технических условий, которые увеличивают количество продукта, ибо количество продукта по основному смыслу учения о предельной полезности существенно для оценки...» («Теория распределения Тугана-Барановского». «Русская Мысль»).

Туган-Барановский утверждает далее, что «ошибочная» критика Бем-Баверка вызывается тем, что Бем-Баверк рассматривает прибыль под углом зрения частного хозяйства; в современном единичном производстве с широко развитым разделением труда продукт отличен от средств производства; поэтому, чтобы сравнить затраты и получку, приходится прибегать к ценности как к категории, дающей возможность сравнивать разнородные предметы. Наоборот, если мы будем брать все общественное хозяйство, совокупность всех средств производства и совокупный общественный продукт, то затрата и получка выразятся в одних и тех же (качественно) продуктах. Однако, и это последнее утверждение ложно. Обычно бывает, что при переходе к новой технике продукт с одним и тем же названием будет уже качественно не тот: пряжа, производимая ручным способом,— это не то же самое, что пряжа, производимая на новейших прядильных машинах; это особенно ясно, если мы возьмем относительно значительный промежуток времени: рост техники выражается обычно в количественном увеличении и в *качественном перерождении* товара. Кроме того, аргумент Тугана-Барановского предполагает стационарное состояние общественных потребностей, а такая предпосылка ни на чем не основана и прямо противоречит действительности.

Здесь можно сделать еще одно возражение. Даже если бы удалось доказать увеличение ценности для всего «народного хозяйства», все же проблема не была бы разрешена. Вполне правильно возражает Тюену Бем-Баверк: «...в вопросах распределения — а вопрос процента на капитал принадлежит к таковым — нельзя *всегда* (курсив мой.— Н. Б.) смотреть на «целое»... Процент на капитал как излишек ценности индивидуальной выручки над индивидуальной затратой капитала, зависит от того, что *индивид* постоянно получает капитал по такой цене, которая ниже ценности излишка, произведенного при помощи последнего. Но это вовсе так просто не вытекает из приведенного общего соотношения...» (Бем-Баверк. *Op cit*, стр. 201—202, подстрочное примечание). Факта индивидуальной прибыли не отрицает и сам Туган-Барановский. Однако, моста между общественным приростом ценности и приростом ценности индивидуального капиталиста нет и, вообще, следовательно, факт индивидуальной прибыли остается необъясненным**.

Пойдем далее. «Поскольку,— говорит Туган-Барановский,— дело идет о капиталистическом производстве, прибыль (интересно знать, где есть прибыль *вне* капиталистического производства? — Н. Б.) представляет собой доход соотносительный с заработной платой... Поэтому те же объективные факторы, которые устанавливают высоту заработной платы, должны устанавливать и сумму прибыли, поступающей в распоряжение капиталистов».

Итак, величина прибыли определяется 1) общим количеством продукта, представляющим общественный доход и зависящим от степени производительности общественного труда; 2) долей капиталистов в общественном доходе, зависящей от соотношения сил капиталистов и пролетариата. «Прибыль и заработная плата могут одновременно повыситься не только по своим абсолютным размерам, как совокупность продуктов, поступающих в распоряжение капиталистического и рабочего классов, но и как *доли* (курс автора) общественного продукта» («Основы», стр. 647). Последнее положение в глазах Туган-Барановского имеет огромное значение; открытием его он необычайно гордится, ибо в этом вопросе до Тугана-Барановского полит. экономия стояла на месте со времен Рикардо,— так, по крайней мере, изображает дело сам Туган-Барановский. «Если... мы будем помнить,— говорит он,— что ценность всего совокупного общественного дохода никогда не достигает ценности всего общественного продукта, то нам будет понятна возможность одновременного возрастания и прибыли и заработной платы как долей общественного продукта» (648). «...Общая сумма общественного продукта возрастает. Этот избыточный продукт соответственно увеличивает общую сумму обществен-

* В данном случае нас не интересует понимание г-ном Струве «трудовой теории ценности», хотя оно явно несостоятельно.— Н. Б.

** Туган-Барановский в учении о ценности делает возражение Марксу в том смысле, что ценность вовсе не входит в сознание капиталиста; такая позиция еще более обязывала бы его принять к сведению совершенно определенно сформулированное Бемом соображение.

ного дохода, и, благодаря этому, все общественные доходы могут одновременно возрасти, на счет сокращения средств производства» (648).

Мы оставим пока в стороне прыгающую терминологию г. Тугана (то «продукт», то «ценность») и позволим себе привести ту графическую иллюстрацию, которую Туган поясняет только что изложенное положение. Он берет 2 круга, которые «должны изображать продукты одинаковой затраты общественного труда при различных условиях общественного производства» (ibidem 648)¹⁰.

Рост производительности труда приводит к сокращению общественных расходов на восстановление средств производства — уменьшается черная часть круга и соответственно увеличивается белая. Такова убедительная на первый взгляд аргументация Тугана. Но только на первый взгляд. По существу же «открытие» автора опирается на ту же самую ошибку, на которую опирается «открытие» г-ном Струве «основной антиномии трудовой теории ценности»*. Туган хочет доказать, что «доля» средств производства относительно падает. Однако, какая «доля»? Если речь идет об общественном *продукте*, об определенной совокупности потребительных ценностей, то ни о какой доле вообще не может быть и речи. Нам уже приходилось доказывать это при анализе теории заработной платы. На графической иллюстрации Тугана-Барановского это отразится так, что *никаких кругов построить будет нельзя*. Остается другое толкование, которого, по-видимому, держится и сам Туган-Барановский: он утверждает, что количество труда, идущего на производство средств производства, уменьшается по отношению к количеству труда, идущего на производство всего общественного продукта. В этом факте, по его мнению, выражается рост производительности труда. Чтобы выяснить этот вопрос, мы придем к ему математическую формулировку. Так как речь идет о трудовых стоимостях, то мы можем пользоваться здесь терминологией Маркса. Пусть C будет постоянным капиталом (средства производства), V — переменным (зарплата), M — приб. стоимостью. Туган-Барановский утверждает, что отношение $\frac{C}{C+V+M}$ должно падать с ростом производительности труда;

иначе, что отношение $\frac{C+V+M}{C}$ должно возрастать. Однако нетрудно доказать совершенно

обратное положение: с развитием производительной силы труда $\frac{C+V+M}{C}$ падает. Разложим

нашу формулу $\frac{C+V+M}{C}$ таким образом: $\frac{C}{C} + \frac{V+M}{C}$. Анализируя ее, мы придем к заключе-

нию, что первое слагаемое есть величина постоянная, равная единице; второе слагаемое представляет отношение величины живого труда к величине мертвого труда. С ростом же производительности труда центр тяжести переносится на производство средств производства; другими словами, непосредственный труд относительно уменьшается в своем значении; *тратя больше* труда на производство средств производства и относительно *меньше* труда на производство «дохода», предметов потребления, можно получить последних как потребительных ценностей гораздо больше. Итак, дробь $\frac{V+M}{C}$ падает, а следовательно, падает и вся

¹⁰ В графических иллюстрациях М. И. Туган-Барановского «черная» (заштрихованная) часть кругов символизирует долю средств производства (C), а «белая» (незаштрихованная) — долю общественного дохода ($V+M$) (прим. ред.).

* Г-н Струве открыл «антиномию» в следующем. Как известно, дробь $\frac{M}{C+V}$, выражающая норму прибыли, с развитием капиталистических отношений падает; с другой стороны, падение нормы прибыли выражает рост производительности труда. Это-то и поразило г-на Струве. Свое открытие он формулирует «в двух положениях»: 1) Свободный продукт или чистый доход общества, величину которого измеряется производительность общественного труда, прогрессивно падает по отношению к совокупному общественному капиталу. 2) Это падение обусловливается прогрессивным возрастанием постоянного капитала, т. е. фактом, составляющим технико-экономический базис роста производительности общественного труда. Эта антиномия есть очевидная нелепость, но это нелепость логически вытекающая из положения, что прибавочная ценность (приб. продукт) создается живым трудом; это «нелепость всей механической теории трудовой ценности» («Основная антиномия теории трудовой ценности», журн. «Жизнь», 1900 г., февраль, стр. 299—300). Ошибка, позволившая г-ну Струве найти антиномию там, где ее нет, заключается в том, что в 1-ом тезисе смешана ценность и потребительная ценность. Как ценность M падает по отношению к $C+V$; но она возрастает в огромной степени как сумма *потребит.* ценностей.

дробь $\frac{C+V+M}{C}$. Старая, не раз опровергавшаяся ошибка — смешение продукта с ценностью, привела Тугана к открытию того, «чего в мире не бывает»*.

Изложив свое учение о влиянии производительности труда и момента классовой борьбы, Туган-Барановский переходит к вопросу о норме прибыли: «Итак, говорит он, вот какими факторами определяется прибыль, как определенная сумма *ценностей*, получаемых капиталистом» (не капиталистами! Курсив мой.— Н. Б.) (стр. 649). Здесь опять-таки ценность появилась вдруг, хотя о ней не было и помину. Через 2 строки читаем: «Чем же определяется общественный процент прибыли? Процент прибыли есть частное от деления прибыли на авансированный капитал... размеры авансируемого капитала определяются скоростью его оборотов» (С. 650). Таким образом, процент прибыли складывается под действием 3 факторов: 1) производительности труда, 2) доли капиталистов в общественном доходе; 3) скорости оборотов общественного капитала.

Присмотримся к выражению «общественного процента прибыли». Так как у нас прибыль — не ценность, а продукт (если Туган и говорит о ценностях, то это логически не связано со всем ходом рассуждений и является у него, должно быть, психологическим пережитком), то для нашего процента прибыли получится несколько странная формула: это будет некоторое количество разнородных продуктов, деленное на другое количество других разнородных продуктов. Эта несуразность была указана Тугану-Барановскому В. Дмитриевым («Новый русский трактат по теории политической экономии». «Русская Мысль»). И на это возражение у Тугана нашлся ответ: он утверждает, что вполне допустимо пользоваться такими комплексными числами: ведь складывает же статистика машины и пряжу, и мы пользуемся такими числами, как показателями определенного состояния промышленности. Однако, ответ этот вряд ли кого убедит, ибо всякий поймет, что прикладная статистика и теория полит. экономии не совсем одно и то же.

К таким вещам приводит попытка исследования капиталистического производства с отвлечением от его существеннейших сторон.

Таково новое построение теории распределения. Все, что в нем осталось старого от систем Маркса, представляет безусловно ценную величину; наоборот, все, что является, как выражается Туган-Барановский, «очищением марксизма от ненаучных элементов», представляется нам величиной отрицательной. Стремление оторвать борьбу социальных сил в процессе распределения от форм этого распределения приводит к таким бессодержательным схемам, куда помещаются всевозможные формы распределения; абстракция от элемента ценности приводит по прямой дороге к совершенно нелепому методу арифметических действий над качественно разнородными продуктами, а отсюда вытекает значительное количество частных противоречий. Этот же счет потребительными ценностями не только затемняет понимание особых специфических форм присвоения прибавочного продукта, но тем самым делает для нас непонятным вопрос о накоплении капитала, а следовательно, совершенно не объясняет движения капиталистического хозяйства в его целом. В результате не объяснена ни прибыль капиталистов, ни прибыль капиталиста... Туган-Барановский усиленно настаивает на том, что теория полит. экономии это не только «серая теория» — нет! Это живая практика. Однако, мы видим, что несмотря на весь этический заряд, теория Тугана как раз ничего не дает для практической деятельности. И если мы противопоставим ей с ее субъективным элементом строго объективную и стройную систему Маркса, то «живая практика» должна подать руку именно старой теории.

* Курьезно то, что Туган-Барановский думает отклонить это возражение так: он признает «замещение живого труда машинным» или «растущее значение средств производства». «Но в тексте идет речь о доле средства производства в *продукте* (курс автора) данной трудовой затраты, а не о доле средств производства в данной затрате *капитала* (курс автора)» (примеч. № 11 на стр. 659). Другими словами, Туган-Барановский признает, что $\frac{C}{C+V}$ растет, но не признает роста $\frac{C}{C+V+M}$. Ясно, что

признавая растущее значение мертвого труда, он должен признать рост дроби $\frac{C}{V+M}$ а, следовательно, и всего выражения $\frac{C}{C+V+M}$, хотя последняя формула как раз выражает долю средств производства в *продукте*, а не в *капитале* (разумеется, здесь берется ценностное отношение, ибо иного и взять нельзя).